

Денис ТОПАЛ

докторант Института Археологии и Этнографии АН РМ

СКИФСКИЕ АКИНАКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ И КОНТЕКСТ ОБНАРУЖЕНИЯ

D.Topal. The Scythian akinakai: functional division and the context of discovering.

The thesis about supercultural character of metal objects has received wide arguments and practical confirmation in the monograph of V.Dergatscev (1997). Similar ideas related to the problems of the Scythian culture or «Scythian world» cultures were discussed, but in some other way - mostly in cultural-historical context (Alexeev 1991; Bokovenko 1991; Tschlenova 1993). Nevertheless, the chronological investigations of arms of the Iron Age of Eurasia basically are limited by the formal analysis of qualitative characteristics (Sokolsky 1954; Smirnov 1961; Melyukova 1964; Vasiliev 1980) or are presented in groups connected with cultural-historical (it is possible to say, ideological) context (Alexeev 1991). As a result, in the first case we have «taxonomy» groups of the objects (Klejn 1979; 1991), and in the other we have «systemic» (cultural) one, which purpose is to receive «cultural» phenomena, «realized by the founders of extinct culture of the past» (Klejn 1991).

Typological classifications mentioned by the author are united by the focusing of the authors on the analysis of morphological characteristics of metal objects. But the given approach unfairly disregards the number of functional attributes (Voltschenko 2002: 14), which are expressed in metrical parameters. Moreover the analysis of quantitative characteristics of metal objects the Iron Age cultures, is already bringing results.

The aims of the given article include the revealing of the connections of qualitative and quantitative characteristics of Scythian swords and the construction of the new typological scheme on the basis of these connections.

Оружие скифского типа является одной из самых ярких составляющих материальной культуры населения Восточной Европы VII-III вв. до н.э. Также, для него характерна многочисленность и широкое территориальное распространение, что объясняется в первую очередь массовым распространением металлообрабатывающих технологий в железном веке. «Торжественное шествие» металлургии железа совпадает с повышенной активностью восточных очагов культурогенеза, не перестающих «выплескивать» в западном направлении новые волны кочевников. Чрезвычайно мобильные и технологически восприимчивые кочевнические орды вскоре осваивают значительное степное пространство, не упуская возможности военного «обследования» прилегающих террито-

рий. Прямое или косвенное, полное или частичное заимствование скифских типов вооружения придало им надкультурный характер. Тезис о надкультурном характере металлических изделий, правда, применительно к более раннему времени (поздняя бронза – ранний Гальштат), получил широкую аргументацию и практическое подтверждение в работе В.А. Дергачева (Дергачев 1997).

В отношении скифской культуры или культур скифского мира подобные идеи отстаивались на практике в несколько другом культурно-историческом контексте (Алексеев 1991; Боковенко 1991; Членова 1993) – реконструировалась трансформация «культурных типов» и идей, осознаваемых их носителями.

Тем не менее, хронологические разработки предметов клинкового вооружения железного века Евразии, как правило, ограничивались формальным анализом качественных признаков (Сокольский 1954; Смирнов 1961; Мелюкова 1964; Vasiliev 1980: 78-88) или группировкой, исходя из культурно-исторического (вернее сказать, идеологического) контекста (Алексеев 1991). В итоге, в первом случае мы имеем дело с «таксономическим» группированием материала (Клейн 1979: 51; 1991: 368), в другом – представлено «системное» (культурное), цель которого – получение «культурных» типов (архетипов), «осознававшихся создателями исчезнувшей культуры прошлого» (Клейн 1991: 380).

По таксономическому принципу выстроена типологическая классификация А.И. Мелюковой (1964). Дополнив наблюдения Ростовцева и Гинтерса (Ростовцев 1919; Ginters 1928), Мелюкова выделила два отдела (по форме навершия меча) с одиннадцатью типами (по форме перекрестия). Несмотря на некоторую условность подобной классификации, она принята большинством исследователей, и многие выводы относительно эволюции типов остаются без изменений. А.И. Мелюковой были учтены находки, в основном, из Северного Причерноморья, и со времени написания «Вооружения скифов» (Мелюкова 1964) источниковедческая база увеличилась более чем в пять раз. В разное время проводился типологический анализ предметов клинкового вооружения с территорий, соседних с причерноморской Скифией – Боспора (Сокольский 1954), Волго-Уралья (Смирнов 1961), Памира-Ферганы (Литвинский 1968), Трансильвании (Vasiliev 1980: 78-88), Сибири (Худяков 1989: 135-144). В отдельных статьях рассматривались вопросы происхождения и хронологии раннескифских мечей и кинжалов (Тереножкин 1975; Черненко 1980; Шрамко 1984). Как отмечает Л.С. Клейн, постулируя один из важнейших методических принципов типологии, невозможно одновременно осуществить прагматическое упорядочивание материала и эвристический поиск, «невозможно решение задач естественной группировки материала средствами искусственной классификации» (Клейн 1991: 227). Данная методическая установка также декларируется как «принцип невозможности совмещения классификации (в узком смысле) с типологией» (Клейн 1991: 227). Поэтому «типологическая классификация» А.И. Мелюковой по определению не может быть направ-

лена на решение задачи системного группирования материала по хронологическому или территориальному принципу. Иерархическая группировка акинаков А.И. Мелюковой построена на искусственных критериях и, следовательно, ее условные типы должны интерпретироваться как классификационные ячейки, созданные для сортировки накопленного материала. Без сомнения, это – коллекционная классификация, «удовлетворяющая потребность в имеющихся сведениях об изучаемом материале» (Горелова, Хаславская 1991: 61). В последней работе, рассматривающей типологию скифских акинаков (Алексеев 1991), анализировался культурный контекст предметов вооружения, и выводы А.Ю. Алексева затрагивают вопрос о прототипе акинака и его идеологической функции в скифском обществе. Типология Алексева не решает хронологических проблем, а дает лишь представление об эволюционном принципе акинаков – от натуралистичности ранних («фаллоидных») мечей и кинжалов к более стилизованным, связанных с разрушением фаллической символики (Алексеев 1991: 279).

Упомянутые типологические классификации объединяет фиксация авторов на анализе качественных морфологических признаков металлических изделий. Данный подход неоправданно оставляет без внимания множество функциональных признаков (Волченко 2002: 14), выраженных метрическими показателями.

В связи с увеличением источниковедческой базы и отсутствием адекватных ей типологических разработок, рассматривающих хронологию, эволюцию, локальные особенности акинаков, назрела необходимость в построении новой типологической схемы на основе изучения веса и встречаемости качественных (морфологических) и количественных (метрических) признаков. Кроме того, «невозможно создание универсальной естественной классификации, независимой от исследовательских задач» (Клейн 1991: 227). Так как авторы, ранее решавшие задачу группировки скифских акинаков, руководствовались различными методическими принципами и установками, есть возможность создания типологической схемы, исходя из современных требований к подобной группировке. При помощи новой типологической схемы возможно будет решить проблемы происхождения скифского акинака, путей распространения скифского оружия. Вероятно, можно будет оценить влияние различных факторов на развитие клин-

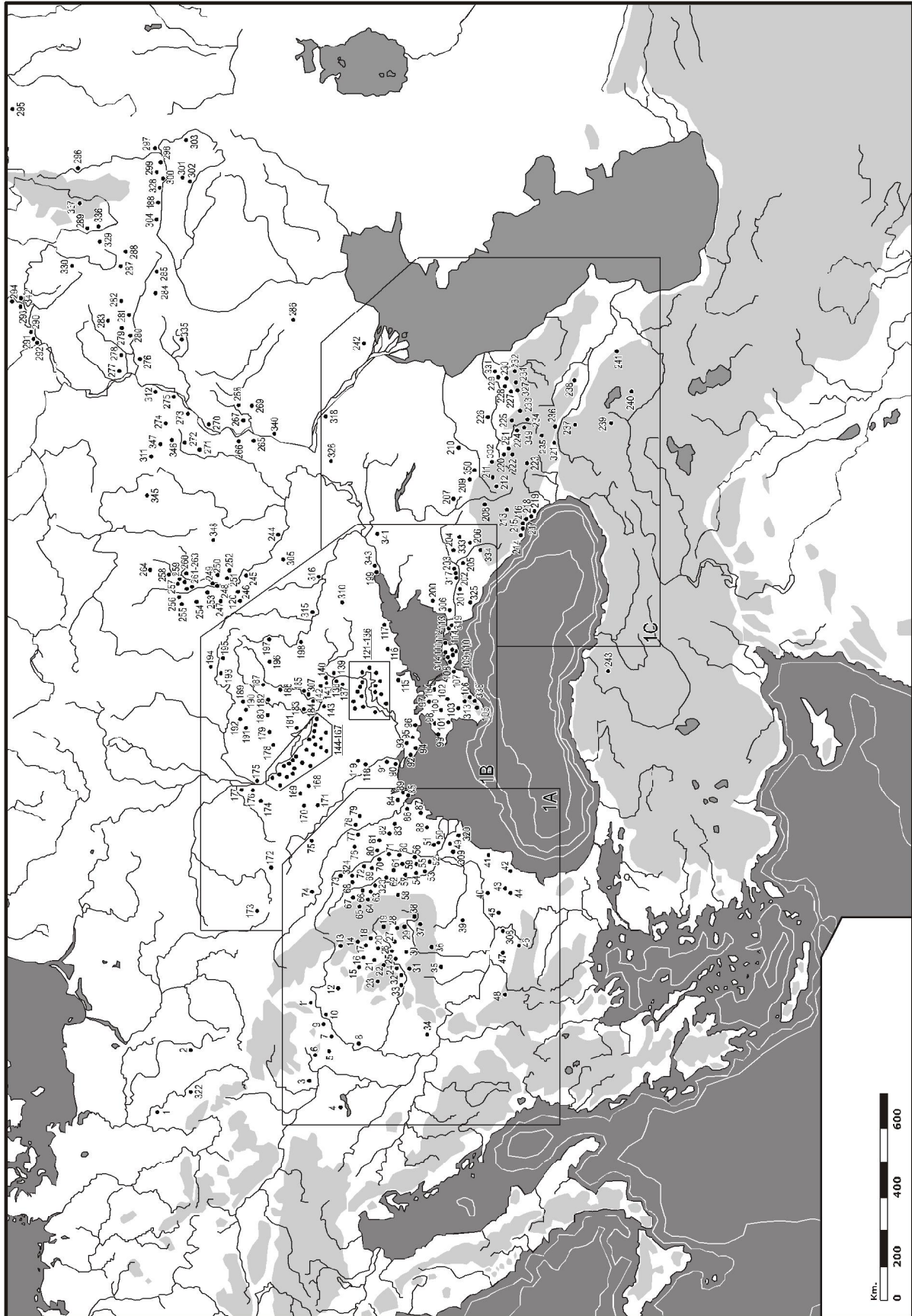

Рис.1. Распространение предметов клинкового вооружения скифских типов

кового вооружения, а также по возможности четко определить морфологические показатели акинаков через количественные признаки, чтобы устранить историографическую путаницу в определениях и понятиях.

Находки вооружения являются наиболее массовой категорией материальной культуры скифов, кроме того, они довольно часто встречаются в погребальных комплексах. По данным Е.П. Бунятян, в материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э. мечи составляют около 23%, копья и дротики – 47,2%, а наконечники стрел – 72,2% (Бунятян 1985: 167). Кроме того, именно мечи в сочетании с копьями и дротиками являются неотъемлемым атрибутом рядовых скифских погребений и погребений «дружинников» (по Е.П.Бунятян). Таким образом, типологический анализ скифского вооружения позволит создать серьезную базу для построения детальной хронологической схемы Европейской Скифии (Ерменко 1997).

Термином «акинак» в античных источниках обозначался как персидский меч (Геродот VII, 54), так и клинковое оружие бактрийцев, согдийцев, каспиев, а также скифов (Алексеев 1991: 271). Т.к. в русских переводах Геродота данный термин заменен словом «меч», многие исследователи отказываются от перенесения понятия «акинак» на скифские мечи и кинжалы (Алексеев 1991: 271), поскольку за этим «скрывается мнение о связи и происхождении скифского оружия от персидских акинаков» (Черненко 1979: 90; 1980: 30).

Кроме этого, за понятием «меч скифского типа» зачастую в историографии скрывалось понятие «меч с бабочковидным перекрестьем», что накладывало свой отпечаток на решение проблемы происхождения скифского меча (Исмагилов 1989: 85).

В румынской историографии также была инициирована дискуссия по поводу корректности употребления термина «акинак»

(Buzdugan 1976; Vasiliev 1978; Buzdugan 1980). К. Буздуган приходит к выводу, что понятие «акинак» (pumnale akinakes) отражает импортный характер мечей и кинжалов, найденных на территории Румынии. В итоге, предлагается нейтральный, «не противоречащий археологической ситуации» термин – «позднегалльштатские кинжалы» (pumnale hallstattiene **úrzi**) (Buzdugan 1980: 624).

Как видно, вопрос о происхождении скифских типов оружия необходимо начать с определения понятий, с ними связанных. На мой взгляд, термин «акинак» вполне применим к мечам, бытовавшим на территории скифской культуры и ее локальных вариантов.

Для акинаков основными диагностирующими признаками отмечаются сердцевидные, почковидные и бабочковидные перекрестья, которые являются главным показателем мечей и кинжалов скифских типов и традиционно связываются с фаллической символикой (Алексеев 1991: 277). Именно данные виды перекрестий, особенно бабочковидное, распространены на широкой территории от Средней Европы до Китая. Причем, отмечается, что такая форма «сложная и малоэффективная», и ее распространение «диктовалось не военными преимуществами» (Членова 1993: 71). Форма антенновидного навершия также трактуется, как связанная с идеологическими представлениями – имитация когтей или голов хищных птиц (Граков 1947; Мерперт 1948; Мелюкова 1964). Однако, наряду с мечами и кинжалами с указанными типами перекрестий и наверший, бытовали и другие, гибридные, а также заимствованные формы. В частности, мечи и кинжалы без наверший (Махортих, Скорий 1986), с прямыми перекрестиями (Исмагилов 1989), однолезвийные мечи (Редина 1999). Их влияние на развитие акинака также нельзя недооценивать.

Проблема происхождения скифских акинаков решается в следующих направлениях¹:

¹ Вопрос происхождения и относительной хронологии мечей скифских типов с большей степенью достоверности можно решить при условии использования комплексной процедуры исследования. Важнейшим этапом данной процедуры является выделение признаков и их анализ при помощи статистических методов, выявление связей между признаками и методологическое обоснование их сочетаний. Немаловажную роль в таком исследовании будет играть выборка. В работе А.И.Мелюковой использовалось около 100 экземпляров с территории Северного Причерноморья, Карпато-Балканского региона, Кавказа (Мелюкова 1964). В более поздней работе А.Ю. Алексеева учитывалось уже 256 акинаков, была расширена территория исследования – Казахстан-Средняя Азия-Памир, Поволжье-Приуралье-Нижний Дон, Волго-Камье, Предкавказье-Кавказ-Закавказье-Передняя Азия, Северное Причерноморье-Центральная Европа (Алексеев 1991: 272).

В представляемой работе всего учтено 556 предметов, из них полным набором признаков обладают 60% (313 экз.). Кроме них в выборку также вошли некоторые экземпляры, местонахождение которых определить затруднительно (18%) и предметы из Центральной Азии, Сибири, Северного Китая (менее 10%). Однако, из-за достаточной отдаленности этих регионов и неопределенной хронологической позиции этих экземпляров, их признаки были исключены из статистической обработки, чтобы не создавать информационных помех. Эта группа находок нуждается в отдельном исследовании, а

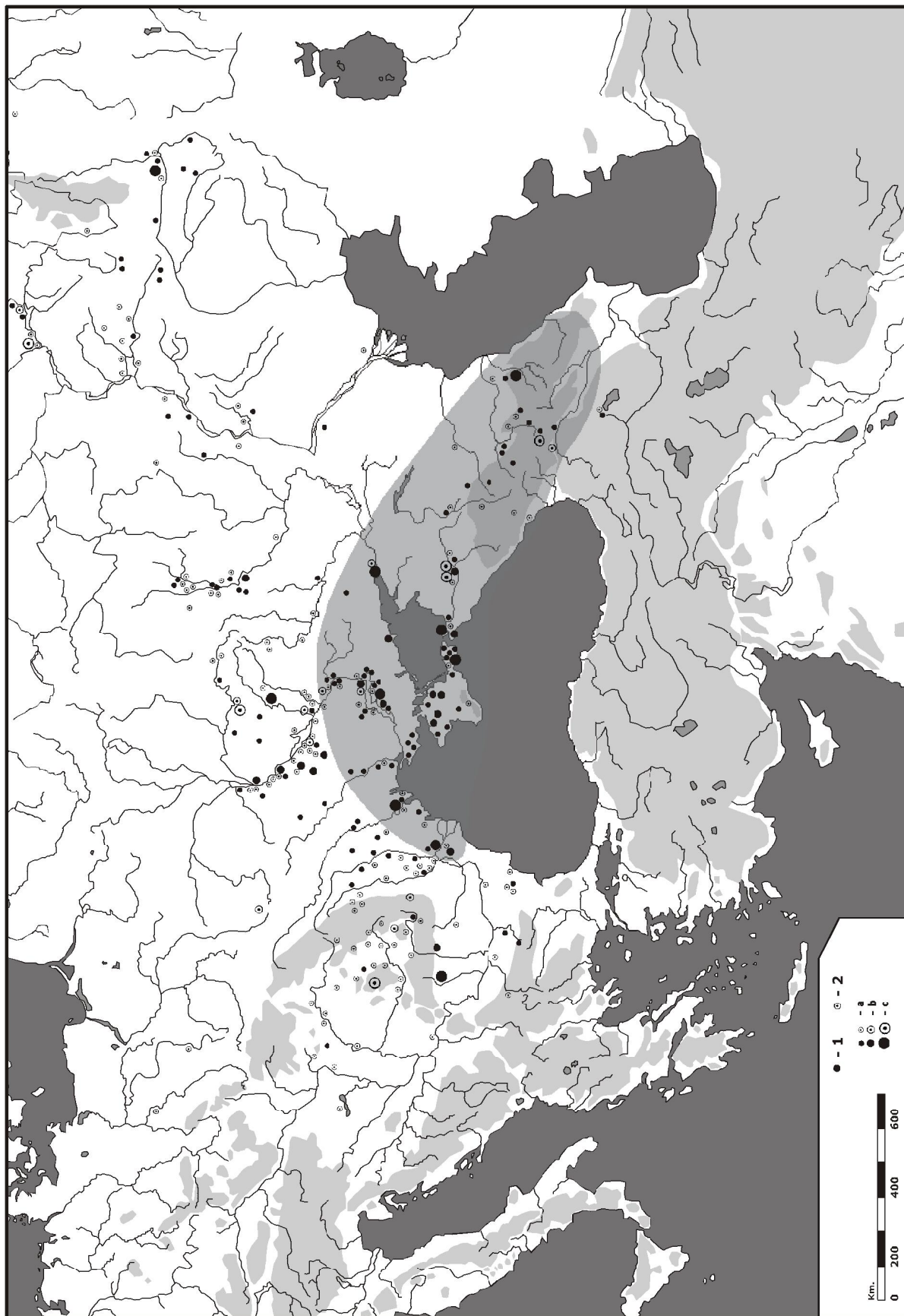

Рис.2. Распространение мечей (1) и кинжалов (2); а – одиночная находка, б – две находки, с – 3 и более.

Скифские типы мечей и кинжалов происходят от переднеазиатских и ближневосточных прототипов (Мелюкова 1964: 60; Членова 1967: 21). Такое предположение впервые выдвинул еще М.И. Ростовцев (1918: 55), и основным доводом служит распространение акинаков в областях Иранского Востока и тот факт, что греки считали акинак оружием персов и лидийцев (Мелюкова 1964: 60). Б.Н. Граков полагал, что скифы заимствовали акинак у персов во время переднеазиатских походов (Граков 1971: 92). Компромиссную позицию занимал М.И. Артамонов, считавший, что акинак был создан скифами совместно с мидянами в период скифского пребывания в Передней Азии (Артамонов 1974: 39-40). Но основным препятствием для принятия подобной гипотезы является «отсутствие в Передней Азии самих скифских мечей и кинжалов» (Исмагилов 1989: 86). Ранние скифские образцы оказываются древнее «прототипов» – изображений акинаков в Персеполе, на пластине из Аму-Дарьинского клада, датирующихся позднее VI в. до н.э. (Есян, Погребова 1985: 51). Кроме того, вряд ли можно говорить о распространении акинака из Передней Азии через Закавказье. По мнению ряда авторов акинаки проникают в Закавказье с территории Северного Кавказа (Лесков 1979; Черненко 1979; Есян, Погребова 1985).

Центрально-сибирское направление в вопросе происхождения скифского меча возглавил А.И. Тереножкин, считавший, что исходные формы акинака необходимо искать среди оружия поздней бронзы-раннего железа Минусинской котловины (Тереножкин 1975: 3-32; 1976: 126-132). На роль прототипов предлагаются карасукско-тагарские кинжалы, которые, тем не менее, достаточно близки к киммерийским кинжалам (Членова 1972: 131-135) и принимали участие в процессе формирования новых типов вооружения, развернувшегося на Северном Кавказе (Исмагилов 1989: 88). К данному направлению примыкает и В.Ю. Мурзин, отмечающий, однако, что предположение о карасукской основе для возникновения акина-

ка не опирается на твердо датированные комплексы (Мурзин 1979: 11-12 - по Шрамко 1984: 22). Кроме того, длинных мечей, характерных для Причерноморской Скифии, нет ни в Передней Азии, ни в Южной Сибири, а мастера, изготавливавшие сложные биметаллические кинжалы и железные мечи, по мнению Б.А. Шрамко, вряд ли нуждались в каких-либо заимствованиях, тем более у карасукских литейщиков, с этой техникой не знакомых (Шрамко, Фомин, Солнцев 1977: 57-74; Шрамко 1976: 49-54; Шрамко 1984: 23)

По мнению следующей группы исследователей, скифский меч является результатом эволюции кинжалов **северокавказского (кабардино-пятигорского) типа** (Лесков 1979; Черненко 1979; Шрамко 1984; Исмагилов 1989). Одной из ветвей являются и персидские акинаки. Тем не менее, близкое сходство карасукско-тагарских кинжалов с мечами северокавказских и скифских типов, по мнению Р.Б. Исмагилова, можно объяснить «вхождением территорий, где это оружие было в употреблении, в состав последовательно сменивших друг друга общностей – карасукско-киммерийской и скифо-сибирской» (Исмагилов 1989: 93).

Продланное мной исследование² метрических признаков скифских акинаков позволило сделать ряд выводов относительно их функционального назначения, а также дополнить картину взаимодействия культурных групп в скифское время.

1. Существуют основания для объективного разделения акинаков на мечи и кинжалы.

Вариационные ряды таких параметров, как общая длина и длина клинка, не являются однородными. Количественные признаки данного типа являются непрерывными, следовательно, поддаются представлению их в виде вариационного ряда. Однако, для построения вариационного ряда необходимо формализовать значения количественных признаков, разделив их на оптимальные интервалы. Т.о., предмет, имеющий определенное количественное выражение того или иного признака, попадет в один из

на данном этапе привлекается в качестве вспомогательной выборки.

К сожалению, в данной работе нет возможности представить в полной мере комплекс методик, задействованных в статистической обработке материала, поэтому придется ограничиться кратким обзором процедуры исследования. В дальнейшем, методическая часть исследования, скорее всего, будет развернута в отдельную публикацию.

² Процедура часть исследования разделена на четыре этапа – выделение признаков, оценка веса каждого из признаков, выявление связей между ними и конструирование типов, исходя из данных о связях. Л.С. Клейн пишет, что «отбор данных направляется априорными проблемами или интересами исследователя, отсюда и вытекают разные типологии для одного и того же материала» (Клейн 1991: 105). В отличие от типологии А.И. Мелюковой, делавшей упор в большей степени на качественные признаки, типологическая схема, результаты которой представлены здесь, основывается на анализе количественных – мерных и счетных признаков. Они наиболее успешно формализуются и в большей степени отражают функциональные характеристики предметов.

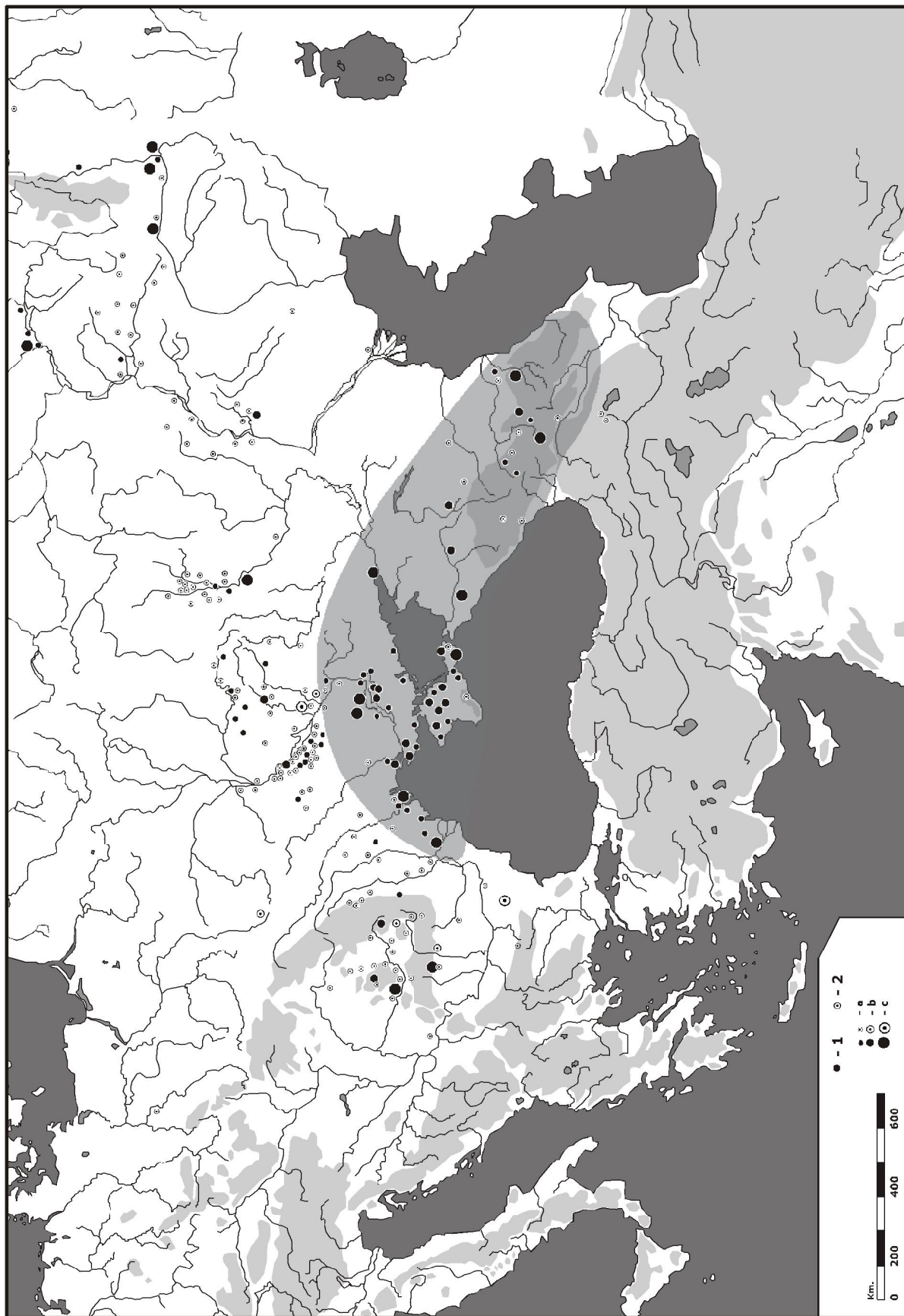

Рис.3. Распространение находок в комплексах (1) и «случайных» находок скифских акинаков; а – одиночная находка, b – две находки, c – 3 и более.

интервалов вместе с предметами с близкими показателями данного признака. Для развития вариационного ряда на оптимальные интервалы обычно используется формула Стерджесса (Федоров-Давыдов 1987: 27).³ В месте излома гистограммы – показатель 40-45 см для общей длины и 30-35 см для длины клинка.

2. Анализ распространения мечей и кинжалов в рамках выделенных локальных групп дает картину преобладания больших форм в границах «скифского ядра» (Северное Причерноморье – Крым – Кавказ) и малых форм на периферии (Трансильвания, Румынская Молдова, Волго-Уральский регион, Украинская лесостепь).

В лесостепной части Северного Причерноморья наблюдается распространение как кинжалов, так мечей, впрочем, с преобладанием кинжалов и малых мечей. Мечи больших и средних форм в основном представлены случайными находками, т.е. не характерными для местного лесостепного населения, что, в свою очередь, вполне возможно объяснить вторжениями других групп скифов из степи.

В Трансильванской и Потисской группе памятников традиционными являются аки-

наки малых форм. На это обратил внимание В. Васильев, объяснивший данный феномен «символическим характером» трансильванских акинаков (Vasiliev 1980), находки которых известны в большинстве своем из погребений. По всей вероятности, носители группы Чиумбруд и культуры Сентеш-Векерзуг не придавали особого практического значения этому типу вооружения, возможно, это связано с отличиями в тактике ведения боя. Возможно, дело было в использовании альтернативных категорий оружия (в частности, и в Трансильванской, и в Потисской группах обнаружено большое количество боевых топоров и наконечников стрел). В то же время, на территории Украинской лесостепи также найдено количество боевых топоров, значительно превышающее количество аналогичных находок в степной группе памятников. Особняком стоит группа Фериджиле, где на эпонимном могильнике были обнаружены большие мечи.

На территории Волго-Уральского региона, занимаемой населением савроматской культуры, преобладают мечи средних размеров, причем, основная их часть концентрируется в восточной части ареала.

³ На основании данных о количестве наблюдений, в каждом интервале по каждому из количественных признаков выстраивается вариационный ряд. Процедура деления на интервалы сводится к диагностики аномалий в распределении признака. В частности, особое внимание обращают на себя наличие нескольких пиков в таком распределении, в отличие от графиков «симметричных одновершинных кривых, т.н. близких к нормальному распределению (распределению Гаусса)» (Мартынов, Шер 1989: 149-150). Возможны самые разнообразные интерпретации таких явлений, но, в основном, если «построенное распределение не является нормальным, значит, в данной серии объединены разнородные предметы, но не вообще разнородные, а разнородные по выбранному признаку» (Мартынов, Шер 1989: 152). Вероятно, за такими «аномальными» распределениями стоят различные технологические приемы, традиции, стандарты, моды.

Таким образом, выстроенные гистограммы являются **эмпирическим распределением** – на их основании можно судить о частоте встречаемости того или иного значения признака. Кроме вариационного ряда, полученного эмпирическим путем (представляющего собой распределение конкретного признака среди определенных объектов), существует также некая идеальная модель, которая ведет себя как тот же самый признак, если бы на него не оказывали влияния самые разнообразные факторы, от эволюционной изменчивости до несовершенства измерительных приборов. (Такую идеальную модель нетрудно представить себе в виде современного конвейера в стадии отладки механизма – большая часть изготовленных на нем деталей по основным признакам будут стремиться к средним значениям, и лишь немногие (в данном случае – бракованные) – к крайним значениям). Построение подобной идеальной модели (**теоретического распределения**) признака необходимо для выявления степени отклонения вариационного ряда с целью локализации нарушающих его нормальное распределение факторов.

Затем проводится сравнение двух типов вариационных рядов исходя из теории нормального распределения. В соответствии с теорией нормального распределения применительно к археологии, если эмпирическое распределение признака близко к нормальному, то можно говорить о том, что он однороден, мало зависим от внешних факторов (Щапова 1988: 100; Мартынов, Шер 1989: 154).

В соответствии с задачами данного исследования гораздо больший интерес представляют признаки неоднородные, содержащие в себе информацию о нескольких стандартах или тенденциях. Первостепенные задачи археологии – определение хронологического и территориального распределения – решаются при локализации хронологического и географического факторов при анализе признаков. Генетические и функциональные связи между признаками можно определить при помощи сравнения дискретных значений признаков на различных предметах. Для этого необходимо количественно выделенных интервалов в интервалы, соответствующие пикам вариационного ряда и отделенных друг от друга разрывами в эмпирическом распределении. Кривая теоретического распределения также подчеркивает эти разрывы. Для уточнения картины влияния географического и хронологического факторов были выстроены графики распределений признака, исходя из принадлежности той или иной территориальной или хронологической группе.

Для выяснения характера влияния хронологического фактора на распределение признаков массив мечей и кинжалов скифских типов был разбит на условные хронологические группы, исходя из абсолютных датировок, определенных авторами публикаций. Подобное хронологическое деление вполне целесообразно использовать для получения общей картины эволюции признаков, но не более. Точности, достигнутой исследователями оружия скифских типов (в пределах одного-двух столетий), окажется вполне достаточной лишь для выяснения направления вектора развития того или иного признака. Для датировок типов необходимо более детальное рассмотрение оснований для абсолютного датирования.

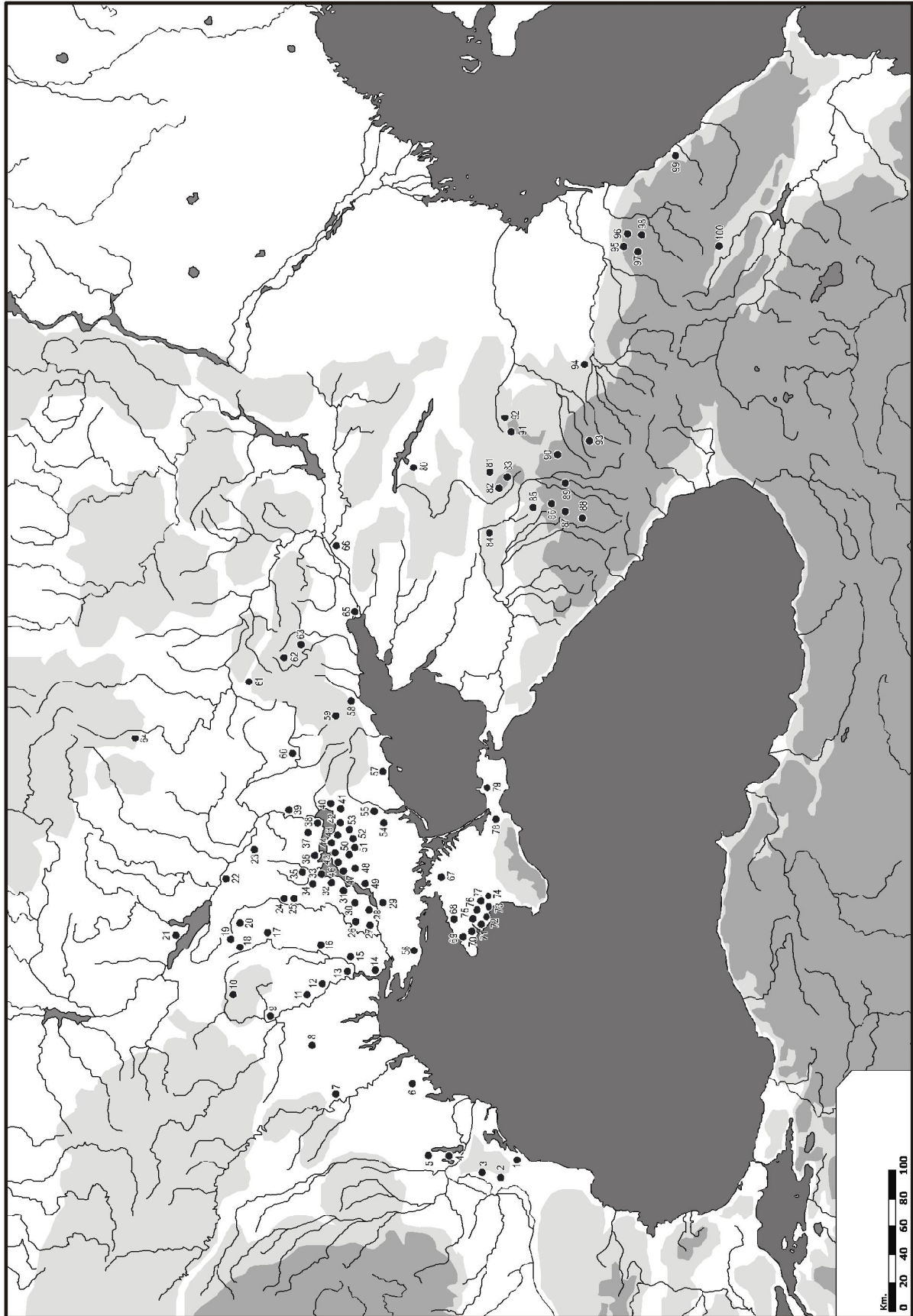

Рис.4. Распространение скифских каменных изваяний.

Рис.5. Распространение скифских каменных изваяний с изображением акинака.

На Кавказе большая часть больших мечей была обнаружена в северо-восточной части, кроме того, необходимо отметить, что именно на данной территории были сделаны наиболее древние находки мечей.

В границах «скифского ядра» также наблюдается распространение каменных изваяний с изображением воинов с акинаками⁴.

3. Исследования контекста обнаружения акинаков дает основания для выделения зон повышенной военной активности в скифское время.

Производилось вычисление процента «случайных находок» (т.е. обнаруженных вне комплексов), и в результате этого вычисления можно говорить о трех таких зонах. Наиболее высокий процент в румынской Молдове (св. 80%), украинской лесостепи (св. 65%) и на Среднем Дону (ок. 50%). В остальных локальных группах доля случайных находок не превышает 25%.

4. Картографирование находок в комплексах и случайных находок скифских мечей и кинжалов, а также изваяний с изображением скифских акинаков позволяет определить вектор распространения клинкового оружия скифских типов.

Концентрации находок позволяют судить, как минимум, о двух очагах типобразования – Кавказском и Среднеднепровском. Полученные данные говорят в пользу северокавказской гипотезы формирования акинаков.

Распределение типов мечей и кинжалов во времени также неравномерно. Примечательно, что большая часть из них приходится на рубеж VI-V вв. до н.э. В это время типологическое разнообразие клинкового оружия достигает своего апогея. По всей видимости, к IV в. до н.э. уже вырабатываются определенные стандарты в оформлении,

технологических приемах и метрических показателях.

Общая картина распространения типов позволяет сделать выводы об основных путях продвижения скифского клинкового оружия. Исходной территорией развития скифского акинака является регион Центрального и Северного Кавказа. Именно там были обнаружены наиболее древние типы акинаков. Экспансия акинака в VII в. до н.э. проводилась в двух основных направлениях – через Предкавказье в Крым и через Северное Приазовье по всему степному коридору Северного Причерноморья. В этот ранний период волна распространения оружия скифских типов достигает основных рубежей скифской экспансии – Приднепровье, Буджак, Подунавье. Также охватывается лесостепная часть, в основном, на восточном направлении.

К VI в. до н.э. очаги распространения акинаков смещаются в западном направлении. Наиболее существенным таким центром становится Среднее Поднепровье, откуда типы скифского оружия проникают на север, в лесостепные районы и продолжают свое продвижение по степному Причерноморью. На этот временной отрезок, наряду с небывалым типологическим разнообразием, приходится пик экспансии скифского вооружения. В VI в. до н.э. скифские акинаки попадают на территорию Трансильвании, Потисья (что можно связать с образованием таких культурных феноменов, как Сентеш-Векерзут и группа Чиумбруд), проникают далеко на запад на территорию лужицкой культуры (вероятно, во время скифских набегов). Одновременно с этими явлениями акинак становится основным видом клинкового оружия для культур Среднего Дона и Волго-Уральского региона.

Начиная с середины V в. до н.э. территория распространения скифского акинака за-

⁴ На данный момент известно свыше 130 антропоморфных стел, найденных в ареале от Северного Кавказа до Добруджи (Alexandrescu 1958, 1960; Елагина 1959; Марковин, Мунчаев 1964; Шульц, Навротский 1973; Бокий 1974; Попова 1976; Шульц 1976; Татаринов 1977; Раевский 1983; Петренко 1986; Голубчик 1987; Ляшко, Фридман 1987; Ольховский 1990, 1990а; Молева 1991; Ольховский, Евдокимов 1994; Дашевская, Лордкипанидзе 1995; Соломатина 1995; Білосор 1996). Исследователи сходятся во мнении, что антропоморфная скульптура у скифов появляется в VI в. до н.э. и существует вплоть до III в. до н.э. (Шульц 1976: 218; Попова 1976: 110), В.Г. Петренко удревает время их появления до второй половины VII в. до н.э. (Петренко 1986: 170). Подобные расхождения объясняются в первую очередь тем, что каменные изваяния датируются по изображенным на них предметам вооружения – горитам, панцирям и, в большей степени, акинакам. Не всегда совпадает мнение ученых относительно интерпретации этих изваяний – большая часть авторов считает, что они служили надгробными памятниками, на которых запечатлевался облик умершего (Мелюкова 1964; Елагина 1959; Шульц 1976), однако есть основания считать их абстрактными изображениями некоего сакрального образа (Раевский 1983). По мнению Д.С. Раевского, данные памятники отражали представления ираноязычных кочевников о структуре Вселенной и наполнены глубоким символизмом (Раевский 1983: 57-59).

Акинак является наиболее часто встречающимся (но не обязательным) элементом скифских изваяний. Изображения акинака представлены на 54 скульптурах (около 40%). Обычно он изображался в правой части туловища, подвешенным к поясу, или в руке. Сопоставляя изображения с полученной типологией акинаков, можно отметить, что практически все выделенные типы так или иначе получили отражение в скифской антропоморфной скульптуре. На скифских изваяниях представлены основные типы наверхия и перекрестия. Также нашло свое отражение и функциональное разделение на мечи и кинжалы – нередко на одной статуе изображены обе эти категории клинкового вооружения – меч обычно спереди подвешен к поясу, кинжал пристегнут сбоку.

метно сокращается как на западе, так и на востоке. В IV в. до н.э., западная граница проходит по Днестровско-Сиретскому междуречью, на востоке, в связи с процессом образования раннепрохоровской культуры, происходит переход на новые виды вооружения, и акинак в традиционном смысле исчезает. В IV в. до н.э. акинак заметно эволюционирует и на исконно скифской территории. Как уже отмечалось, происходит определенная стилизация в оформлении навершия и постепенный отход от «фалломорфности» перекрестья. Одновременно с этим на территорию Скифии проникают новые виды клинкового вооружения с запада – в степной и лесостепной части основного ареала скифской культуры появляются однолезвийные мечи, близкие фракийским боевым ножам с одной стороны, и греческим махайрам – с другой. В целом, их можно подразделить на две основных группы. Более многочисленную составляют мечи с выделенным перекрестьем и навершием (Златополь, Чертомлык, Новониколаевка, Пески). К другой можно отнести несколько изогнутые мечи без навершия, и, зачастую, без выделенного перекрестья (Николаевка II, Мамай-Гора, Никоний, серия из Елизаветовского могильника). К ним примыкают находки из Енисалы и Грэдиштя Маре (Simion 1977; Conovici, Matei 1991). Кроме основных типов однолезвийного оружия, существует также категория «гибридных» мечей (Vasiliev 1980:85) с характерным для акинаков оформлением перекрестья и навершия. Распространены они большей частью на территории Трансильвании и Потисья. Однако датируются они не в пример раньше, чем однолезвийные мечи на скифской территории – в основном, V в. до н.э. Эту серию «гибридных» мечей продолжают мечи типа Чауш-Плавни (Суничук, Фокеев 1984; Суничук 1985), которые датируются IV-III вв. до н.э. На территории Кавказа однолезвийные мечи, по всей видимости, являются местной традицией. Они известны с более раннего времени и вряд ли служат продолжением центрально-европейских прототипов. Похоже, идея однолезвийного оружия импортируется скифами с запада, тогда как собственно инокультурными носителями эта идея перерабатывается в гибридный тип меча, сочетающий в себе основные атрибуты скифского акинака. Кроме этого, интересен факт, что скифские однолезвийные мечи являются, в основном, парадной формой вооружения. Так, большинство из этих находок обнаружено в погребениях, и многие из них ук-

рашены золотыми накладками. Однолезвийные мечи 2 типа, близкие к фракийским боевым ножам, вряд ли принадлежали собственно скифскому населению. На эту мысль наталкивает погребальный инвентарь, сопровождавший погребение 1 II Николаевского могильника с однолезвийным мечом, близким к фракийским боевым мечам (Мелюкова 1975). Это одно из немногих погребений, абсолютно не содержащее типично скифских предметов вооружения (хотя оно без сомнения мужское, воинское), тогда как многие детские и женские захоронения данного могильника вмещали хотя бы наконечник стрелы скифского типа. Кроме того, оно было совершено в некоторой отдаленности от остальных погребений, что, возможно, говорит в пользу его инокультурности. Похоже, скифы не пользовались данным типом вооружения в военных целях, а получали в виде подарков или трофеев.

Таким образом, полученная типологическая схема позволяет сделать определенные выводы относительно происхождения скифского акинака. Поиск территории, исходной для этого вида вооружения, ограничивается территорией Центрального и Северного Кавказа. В связи с этим, наиболее убедительным решением вопроса происхождения скифского акинака выглядит гипотеза о связи акинаков с биметаллическими кинжалами северокавказского (кабардино-пятигорского) типа (Лесков 1979; Черненко 1979; Шрамко 1984; Исмагилов 1989).

Динамика распространения типов делает возможным определить несколько очагов типобразования – Кавказ, Поднепровье, Карпатский регион. В скифское время работа этих очагов определяла основные тенденции и направления в развитии скифского вооружения. Картина распространения клинкового оружия скифских типов позволяет уточнить вопросы, связанные с миграциями и военными походами скифов, их стратегическими интересами. Для раннего периода скифской истории, это, прежде всего, лесостепные районы Северного Причерноморья, Среднего Подонья. Однако, основное внимание и интерес проявлялись в отношении западных рубежей скифской культуры – именно поэтому на территории румынской Молдовы обнаружено значительное количество случайных находок скифских акинаков.

Дальнейшее изучение оружейного комплекса на различных территориях в границах скифского мира позволит детализировать эту весьма динамичную картину даже на данном этапе исследования. Для подробного

исследования хронологических вопросов потребуются тщательная типологическая проработка других элементов материальной культуры скифов. Изучение совстречаемости категорий внутри скифской культуры на материале закрытых комплексов даст возможность построения скифского дерева европейской хронологии (Еременко 1997).

На данном этапе можно говорить лишь о самом начале новой типологической разработки категорий скифской культуры на примере скифского клинкового оружия. И только наличие серьезного методического аппарата в сочетании с адекватной теоретической базой может стать залогом успешности данного проекта.

Литература

- Алексеев А.Ю. 1991. Этюд об акинаках // Л.С.Клейн. Археологическая типология. Л.
- Артамонов М.И. 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
- Білозор В.П. 1996. Кам'яні статуї у контексті скіфської етногеографічної проблематики // Археологія. №4.
- Бокий Н.М. 1974. Скифский курган у села Медерово // СА. №4.
- Боковенко Н.А. 1991. Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // Л.С.Клейн. Археологическая типология. Л.
- Бунятян Е.П. 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев.
- Вонко П. 2002. К проблеме классификации и типологизации вооружения // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Том 3. Одеса.
- Голубчик Л.Н. 1987. Скифские изваяния из коллекции Днепропетровского Исторического Музея // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.
- Горелова Н.Г., Хаславская Л.М. 1991. Применение формальных методов анализа данных при изучении средневековой торевтики Южной Сибири // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск.
- Граков Б.Н. 1947. Скифы. Киев.
- Граков Б.Н. 1971. Скифы. М.
- Дергачев В.А. 1997. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтитского региона. Кишинев.
- Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А. 1995. Скифское изваяние из Восточной Грузии // Историко-археологический альманах.
- Елагина Н.Г. 1959. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. №2.
- Еременко В.Е. 1997. Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии: взгляд со стороны // STRATUM + ПАВ.
- Есаян С.А., Погребова М.Н. 1985. Скифские памятники Закавказья. М.
- Исмагилов Р.Б. 1989. Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Клейн Л.С. 1979. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.
- Лесков А.М. 1979. Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. ТД. М.
- Литвинский Б.А. 1968. Оружие Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
- Ляшко С.М., Фридман М.И. 1987. Скiфська антропоморфна скульптура Нижнього Подніпров'я // Археологія. 60.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М. 1964. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. №1.
- Мартынов А.И., Шер Я.А. 1989. Методы археологического исследования. М.
- Махоргих С.В., Скорый С.А. 1986. Мечі та кинджали скіфського часу без наверхів // Археологія. №56.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ Д1-4.
- Мелюкова А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.
- Мерперт Н.Я. 1948. Акинак с когтевидным навершием // КСИИМК. XXII.
- Молева Н.В. 1991. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний // СА. №2.
- Мурзин В.Ю. 1979. Степная Скифия VII-V вв. до н.э. Автореф. ... канд. ист. наук. Киев.
- Ольховский В.С. 1990. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.
- Ольховский В.С. 1990а. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. №3.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М.
- Петренко В.Г. 1986. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Попова Е.А. 1976. Об истоках традиций и эволюций форм скифской скульптуры // СА. №1.
- Раевский Д.С. 1983. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.
- Редина Е.Ф. 1999. К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. К 100-летию Б.Н. Гракова. Запорожье.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинизм и иранство на юге России. СПб.
- Смирнов К.Ф. 1961. Вооружение савроматов // МИА. №101.
- Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи // МИА. №33.
- Соломатина Н.В. 1995. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах.
- Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Суничук Е.Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Татаринов С.И. 1977. Новое каменное изваяние из Донецкой области // СА. №3.
- Тереножкин А.И. 1975. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев.
- Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. Киев.

Д. Топал

- Федоров-Давыдов Г.А. 1987. Статистические методы в археологии. М.
- Худяков Ю.С. 1989. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Черненко Е.В. 1979. Персидские акинаки и скифские мечи // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. ТД. М.
- Черненко Е.В. 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Членова Н.Л. 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н.Л. 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н.Л. 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. №7.
- Шрамко Б.А. 1976. К истории развития древнейшей металлургии и металлообработки железа // Вопросы истории естествознания и техники. М.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев В.А. 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. №1.
- Шрамко Б.А. 1984. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Шульц П.Н., Навротский Н.И. 1973. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. №4.
- Шульц П.Н. 1976. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Щапова Ю.Л. 1988. Естественно-научные методы в археологии. М.
- Alexandrescu A. 1958. Două statui traco-scitice din Dobrogea // SCIV. T. IX. Nr.2.
- Alexandrescu A. 1960. În legătură cu statuile «scitice» // SCIV. T.XI. №2.
- Buzdugan C. 1976. Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României // Cercetări arheologice. T.II.
- Buzdugan C. 1980. Pumnale hallstattiene tîrzii sau «pumnale akinakes» // SCIVA. T.31. Nr.4.
- Conovici N., Matei Gh. 1991. Necropola getică de la Grădiştea Mare // MCA. №1.
- Ginters W. 1928. Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrussland (Forgeschichtliche Forschungen, 2, 1). Berlin.
- Simion G. 1977. Necropolele getice de la Enisala și Telița // Peuce. Nr.6.
- Vasiliev V. 1978. Despre interpretarea pumnalelor akinakes descoperite pe teritoriul României // AMN. 15.
- Vasiliev V. 1980. Sciții agățîrși pe teritoriul României. Cluj-Napoca.